

УДК 008

Рышард Радзик**РОССИЙСКОЕ ВИДЕНИЕ «ОБЩЕРУССКОГО НАРОДА»**

Статья посвящена российскому видению сообщества, которое русские называют «общерусским» или же «триединым русским народом». В первой части статьи рассмотрены исторические предпосылки отношения русских к их восточнославянским соседям, а во второй проанализировано восприятие русскими украинцев и белорусов на основе новейших социологических исследований.

Ключевые слова: общерусский народ, восточные славяне, национальные / этнические стереотипы, исследования Левада-Центра.

Radzik R.**RUSSIAN VISION OF THE 'ALL-RUSSIAN NATION'**

The paper deals with the Russian vision of the community called by the Russians 'the All-Russian nation' or 'the triune Russian nation'. In the first part of the paper, the historical assumptions of the Russians' attitude to their East Slavic neighbours are considered, and in the second part, the Russians' perception of the Ukrainians and the Belorussians is being analysed based on the results of recent social surveys.

Key words: All-Russian nation, East Slavs, national / ethnic stereotypes, Levada-Center surveys.

Радзік Р.**РОСІЙСЬКЕ БАЧЕННЯ «ЗАГАЛЬНОРОСІЙСЬКОГО НАРОДУ»**

Стаття присвячена російському баченню спільноти, яку росіяни називають «загальноросійським» або «триєдиним російським народом». У першій частині статті розглянуто історичні передумови ставлення росіян до їхніх східнослов'янських сусідів, а у другій проаналізовано сприйняття росіянами українців і білорусів на основі найновіших соціологічних досліджень.

Ключові слова: загальноросійський народ, східні слов'яни, національні / етнічні стереотипи, дослідження Левада-Центру.

Эти размышления будут посвящены российскому видению сообщества, которое русские называют национальным и общерусским или же триединым русским народом, существенными составными которого являются – наряду с русскими – украинцы и белорусы. Точнее сказать, в центре внимания будет восприятие русскими двух остальных элементов сообщества на основе новейших социологических исследований, прежде всего Аналитического Центра Юрия Левады как социологического центра, результаты исследований которого пользуются всеобщим авторитетом. Значительное внимание будет посвящено историческим предпосылкам отношения русских к обоим их славянским соседям.

1. Исторические предпосылки

Средневековое название «Русь», через много столетий обозначенное российскими историками как «Киевская Русь», наиболее вероятно имело варяжское (скандинавское) происхождение и было связано с присутствием германских завоевателей и организаторов государства на восточнославянских землях. Много указывает на то, что это название первоначально не имело ни этнического, ни четко определенного территориального характера, а связано было прежде всего с правлением Рюриковичей, являясь следствием их купеческо-военной активности на пути из варяг в греки. Культурная (языковая) унификация территории, довольно неоднородной с точки зрения как этнической (кроме славянских племен, здесь проживали балтские [территория современной Беларуси] и, прежде всего, финно-угорские [сегодняшняя Россия], но также и тюркские народы [сегодняшняя Украина]), так и политической, было результатом принятия христианства в 988 году. Разделение на удельные княжества, которое произошло после 1154 года, а затем монголо-татарское нашествие меньше чем через столетие разбили Русь и со временем разделили ее на две основные части. Одна из них оказалась в границах Великого княжества Литовского (позже Украина и Беларусь), а другая попала в подчинение к Золотой Орде и со временем из нее выделилось все более мощное (Великое) княжество Московское – впоследствии Россия. Москва была основана в 1147 году (первое упоминание о ней) на территории, заселенной финно-уграми (муромой), и на протяжении длительного времени княжество имело финно-угорско-славянский характер.

Находящиеся на московском троне Рюриковичи начали процесс, названный впоследствии «собиранием русских земель». Новые завоевания усилились особенно в период правления Ивана I Кали-

ты в первой половине XIV века, а завершил этот процесс Василий III в первой половине XVI века (завладев землями, находящимися во власти Речи Посполитой). Отношение московских правителей к населению бывшей Руси не было следствием восприятия его в категориях национального сообщества, поскольку такое мышление было им – как и всей Европе – чуждо, а на землях, которые считались русскими, проживало в то время этнически неоднородное население. Московские князья, а позже русские цари вплоть до эпохи Просвещения мыслили прежде всего в категориях власти, а предъявление их прав на древнюю Русь легитимизировало их очередные завоевания. Элементом, который в их глазах объединял население этих земель – также и в этом случае на протяжении веков используемым инструментально – было православие. Радикальное ограничение православия в Великом княжестве Литовском и Короне Польской в результате подписания Брестской унии в 1596 году сделало невозможным объединение русских земель Речью Посполитой. В XVIII веке граница между Россией и Речью Посполитой разделяла две цивилизации: русскую (православную) и латинскую. Признание московского государства правомочным преемником Киевской Руси совсем не является чем-то очевидным ввиду значительной ориентализации государства, общества и его культуры в результате долголетней татарской неволи. Древняя Русь была ближе к Европе, чем ее московская преемница, особенно в области понимания государства и методов правления. Определяющим аспектом русской государственности, общности и ее отличия от латинской Европы со временем все больше становилось православие, особенно после принятия историософской концепции Москвы как «третьего Рима». Эта концепция снабдила русскость выразительным мессианским измерением, сакрализовала ее. В то же время православие делало возможным вмешательство во внутреннюю политику Речи Посполитой со стороны Москвы, считающей себя защитницей православной части общества, являющегося ее западным соседом.

Так было и во время войн с Речью Посполитой в середине XVII века, и – прежде всего – в XVIII веке [3, с. 273, 311–312]. Принцип «*translatio imperii*», трактуемый как перенесение империи из Рима в Византию и в конце в Москву, понимается также как историческая непрерывность: Киев – Владимир на Клязьме – Москва [1, с. 211]. Алексей Михайлович заключил в 1654 году Переяславский договор, в результате которого часть украинских земель с

течением времени была присоединена к России. Михаил Геллер, ссылаясь на известного русского историка XIX века Василия Ключевского, утверждает, что царь Алексей долго не решался «принять неслыханно богатый подарок – Малороссию» [4, с. 267]. И все же, «[в] понимании Алексея Малая Русь (Малороссия) была его вотчиной¹, а ее жители – его подданными. Для казаков договор означал обыкновенное покровительство царя. Победила русская концепция и Малая Русь стала интегральной частью империи на период почти трех с половиной столетий» [5, с. 52].

Главным поводом, побуждающим русских (московитов) к поглощению украинско-белорусских земель, был геополитический фактор, расширение власти и завоевание новых территорий, так же как и в случае экспансии на восток. Отношение России к Украине и Беларуси до самого XVIII века включительно было случайной производной интересов, идеологий и текущей политики, а только в малой степени исходило из русского чувства общности с жителями этих земель. Обсуждая последствия московского нашествия на белорусские земли в середине XVII века и массовое переселение населения Великого княжества Литовского в Россию, известный белорусский историк Геннадь Саганович пишет: ««Иноземщиной», «латинством» считалось там и то, что приносили с собой белорусские мастера, плененные ли, или попавшие туда при других обстоятельствах. Самих белорусов здесь обычно называли «литвою», «поляками», а их язык – «литовским». И вот что любопытно: даже крестьян, массами выводимых в годы войн из Беларуси вглубь Московского государства, местное население называло там «панами». На территории самой Беларуси царские воеводы и ратники также «не узнавали» белорусов, не признавали за «родных». Царь Алексей Михайлович, объявив, начиная войну, что идет защищать «белорусцев» и их «православную крестьянскую веру», называл белорусские города «польскими», приказывал «польских и литовских людей побивать сколько милосердный Бог помощи подаст». Царь, которого в России называют «тишайшим и добрейшим», вел войну азиатскими методами, особенно не разбираясь, кто какой веры и какого народа» [6, с. 7]. В этом же тексте Г. Саганович высказывает мнение, что эта война была для белорусов национальной катастро-

---

¹ «Вотчина, – как отмечает Ричард Пайпс, – является, по сути, точным соответствием латинского «patrimonium» и так же, как и оно, обозначает блага и привилегии, унаследованные от отца» [2, с. 41].

фой. Конечно же, иначе смотрели на Беларусь / белорусов простые солдаты, не знающие истории, а иначе правители Русского царства. И все же, ни во взглядах государей, «собирающих земли русские», ни – тем более – во взглядах обыкновенных русских в то время не преобладало мышление и связанные с ним позиции (поведение), которые выражали бы убеждение в генетической общности с тогдашними предками современных украинцев и белорусов.

Перенесение категорий конца XIX века – в этом случае отношений между русскими с одной стороны и украинцами и белорусами с другой – на середину XVII века не является оправданным, о чем в какой-то мере свидетельствуют слова другого белорусского ученого, описывающего, как относились к белорусскому населению войска царя Алексея во время войны, которую он вел. Белорусов грабили, убивали и вывозили в Москву большим образом как «чужих», чем как «своих». «Ощущая нарастающее недовольство и открытое сопротивление со стороны белорусов летом 1655 года, – утверждает Павел Терешкович, – царь Алексей Михайлович, «отличавшийся добротою и мягкостію», отдал приказ своим войскам перейти, по существу, к тактике выжженной земли. Вот типичное донесение А. Трубецкого о боевых действиях по пути от Слуцка до Слонима: «...идучи дорогою, села и деревни и хлеб и сено и всякие конские кормы мы по обе стороны жгли и людей побивали и полон имали, и разоряли совсем без остатку, и потому ж жечь и разорять посылали». Война 1654–1667 годов стала самой страшной в истории Беларуси. Кроме русских войск на севере действовали шведы, на юге – казацкие отряды. Никогда ранее и никогда после Беларусь не несла подобных человеческих жертв: население сократилось более чем в 2 раза – с 2,9 млн. человек в 1650 г. до 1,4 млн человек в 1667–1670 гг. В некоторых регионах, например, на Гомельщине, выжил только один из десяти. На восстановление численности населения ушло 200 лет» [7]. Столетие спустя, в 1764 году Екатерина II в тайной инструкции, адресованной генерал-прокурору Александру Вяземскому, утверждала, что Малороссию, Лифляндию и Финляндию [имелась в виду Карелия] не следует считать чужими землями. Эти земли, а также «смоленскую, надлежит легчайшими способами привести къ тому, чтоб онѢ обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу» [8, с. 157; 9, с. 15].

По мнению Игоря Торбакова (западного эксперта в области русско-украинских отношений), контакты между жителями позд-

нейшей России и Украины были от середины XIV века до около 1620 г. очень ограничены, обе территории принадлежали к разным государствам, разным культурным ареалам, их жители воспринимали друг друга как иностранцев. В своих размышлениях на тему отношения русских в старину к украинцам он ссылается на «американского ученого Эдварда Кинана, который убедительно, – считает И. Торбаков, – доказывает, что представление на тему «общего культурного киевского наследия» является в своей сущности историческим мифом, созданным в более поздний период. «Разве окружение Ивана III (1462–1505), настоящего основателя московского государства, его сына Василия III или его внука Ивана IV понимало начатое ими дело превращения провинциального княжества в могущественную империю в категориях возрождения или хотя бы перенятия славного наследия Киева?» – спрашивает Кинан. И отвечает без тени сомнения: ни о чем подобном тогда не было и речи, поскольку исторические источники хранят по этому поводу полное молчание. «Удивительно то, – пишет Кинан, – что сегодняшние историки в состоянии поверить в то, что москвиты – представители великокняжеской аристократии времен Ивана III или Ивана IV – могли считать себя преемниками киевского трона, например, эпохи Ярослава Мудрого». Что же касается мифа о «киевском наследии», он был создан в конце XVII – начале XVIII века приезжим украинским и белорусским духовенством (в значительной степени в его собственных интересах!), когда оно – после превращения Речи Посполитой в ходе контрреформации в ортодоксальное католическое государство – присоединилось к призывам вмешаться в защиту православия, с которыми обращались в то время к московскому царю греческие иерархи». «Это правда, – соглашается Кинан, что представители московской элиты считали других восточных славян – особенно «литовских» можновладельцев, с которыми многих из них объединяли узы крови, – в большей степени «своими», чем, например, англичан или персов; сложно, однако, было бы найти документальное подтверждение тезиса, что кремлевские придворные относились к восточным славянам («литвинам») функционально иначе [...] чем, например, к шведам, полякам или хотя бы черкесам»» [16, с. 105].

В середине XVII века различия культурного и языкового характера между украинцами и русскими, проявляющиеся в специфике православия в обоих странах и в их политической культуре, были заметны и фиксировались также внешними наблюдателями. Суще-

ствовали они и позже, некоторые из них ослаблялись. В XIX веке украинская шляхта (на землях, принадлежащих России перед разделами Польши) свою родину Малороссию уже признавала частью России, имея двухуровневую идентичность: малоросскую и великоросскую. Подобная двухуровневость (а даже трехуровневость, принимая во внимание малую родину: Новогрудщина, Литва (Великое княжество Литовское), Польша – в случае Мицкевича) – существовала на землях бывшей Речи Посполитой и содержалась в самоопределениях: «gente Lithuani (Rutheni), natione Poloni». Негативный стереотип украинца (например, как предателя во второй половине XVII века и в XVIII веке) окрашивался начиная с границы XVIII и XIX веков также положительными чертами, со временем Украина и украинцы даже нередко идеализировались русскими и, несомненно, не воспринимались как отдельный народ или явно отличающаяся от великороссов этническая группа, хотя неприязнь малороссов к великороссам сохранялась [16, с. 106–120]. По мнению Игоря Торбакова, «на протяжении двух столетий образ украинца в общественном сознании русских подвергся трансформации в довольно широком масштабе: от враждебного и подозрительного стереотипа чужого – литвина в середине XVII века по доброжелательный и покровительственный стереотип хохла – малоросса в конце XVIII – начале XIX века» [16, с. 120].

Православная общность, формирующаяся под влиянием идеи Москвы как третьего Рима, имела в XVI–XVII вв. сверхэтнический характер (что не было редкостью в Европе того времени), тем более это касается той общности, которую строил Петр I и его последователи, и которая программно создавалась как общность государственно-политического характера. Наполеоновские войны были важным импульсом в процессе построения целостной немецкой нации, но в то же время значительным образом усилили рефлексию над идентичностью русских; многочисленные историки усматривают в победной борьбе с Наполеоном корни современной русской национальной идеи [10, с. 126]. Следующим импульсом, который способствовал ее появлению, было польское восстание 1830 года, которое свидетельствовало о невозможности построения российской деспотией государственно-политической общности (политической нации). Ответом на происходящие изменения было создание Сергеем Уваровым знаменитой формулы «православие, самодержавие, народность», которая начиная с 30-х годов XIX века вплоть до свержения царизма была существенным эле-

ментом официальной идеологии Империи, свидетельством формирования религиозно-этнической общности, что стало со временем одной из причин краха государства Романовых². Январское восстание 1863 года еще раз выразительно продемонстрировало социальные (культурные, национальные) расколы в царской России. Михаил Катков, редактор газеты «Московские ведомости» и один из идеологов русского национализма, писал: «Украина никогда не имела особой истории, никогда не была особым государством <...> Малороссийского языка никогда не было и, несмотря на все усилия украинофилов, до сих пор не существует» [11, с. 266]. Подобным образом считал министр внутренних дел России Петр Валуев, который в 1863 году утверждал, что «никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может» [11, с. 266]. Великороссы, создав империю и обретя современную национальную идентичность (хотя механизм этого феномена был немного другим, чем в Европе), начали смотреть на остальных православных славян как на «провинциалов» в рамках сконструированного ими сообщества, все больше укорененного в истории, отсылающего к Рюриковичам и Киевской Руси. Это они создали государство-империю и все шире, хотя главным образом на уровне элит, разделяли убеждение о себе как о преемниках древней Руси.

В последние десятилетия существования монархии русские создали образ «инородцев», которыми считали всех жителей России за исключением восточных славян. Это свидетельствовало о слабых ассимиляционных способностях русского этноса в отношении поляков, балтов, финнов и народов Кавказа, особенно вне их род-

---

² «Во времена правления Александра III, – пишет Войцех Заёнчковский, – официальное православие, которое всегда было одним из столпов правящей идеологии, начало приобретать национальный, русский характер. Как универсальная религия оно не оправдывало возлагаемых на него надежд, не было привлекательным для возрастающего числа неправославных подданных. После ста лет относительного либерализма в конфессиональной политике, инициированного еще при Екатерине II, оно вновь вернулось к роли активного инструмента порабощения «чужеплеменников», но в этом случае уже как один из аспектов русскости. Эта политика имела свои непредвиденные последствия – русификация в совокупности с попытками принудительного обращения в православную веру привела к тому, что среди нерусских религия оказалась в положении, напоминающем национальные движения» [10, с. 138].

ных территорий. В последние десятилетия существования царской России среди русских появились движения, напоминающие западно- и центральноевропейские национализмы в их крайних формах. Это определило отношение русских к украинцам и белорусам как к народам, принадлежащим к одному национальному сообществу, но когда-то в большей или меньшей степени латинизированных, оторванных от русской Родины-матери, крестьянских и примитивных. Они являлись составной частью «триединого русского народа», двумя из трех его ветвей, возвращенными в лоно православия, но говорящими все еще на испорченных, полонизированных диалектах «великорусского языка».

И только появление сообщества, по своему характеру похожего на нацию в западном понимании, в том числе также в ее националистическом измерении, склонило русских к проведению политики, направленной на однозначное поглощение украинцев и белорусов «общерусским народом». Этот процесс был прерван в результате последствий большевистской революции, определения Лениным границ республик и политики коренизации в 1920-х гг. История Смоленщины, когда-то белорусской в этническом и языковом отношении, которую большевики обещали включить в ново-создаваемую Республику, но слова не сдержали, в результате чего идентичность сегодняшних жителей этого региона исключительно русская, указывает на очень вероятную возможность намного большей русификации украинско-белорусских земель – в случае, если бы не были созданы республики – вероятно, полной на территории Беларуси и южной и восточной Украины. Общества обоих республик, подверженные процессам формирования «советского народа», русифицировались в языковом и культурном, но скорее не в национальном отношении, хотя и поддавались советизации. В то же время на элитарном уровне развились литературные языки: украинский и белорусский, хотя в 1930-е годы они и подверглись частичной русификации. Кроме черт, идеализирующих Украину/украинцев, сформированных на пограничье Просвещения и Романтизма, среди русских и дальше существовали снисходительные, пренебрежительные элементы стереотипа украинца-хохла, которые развивались в XX веке. Обе общности, белорусов и украинцев, они воспринимали как «своих», но своих низшего порядка, плебеев и провинциалов, не имеющих высшей культуры, на которых смотрели когда-то – и это сохранилось до сегодня – свысока, с чувством собственного превосходства, в советские времена как

на «младших братьев». В то время, как белорусам приписывалась / приписывается некоторая подчиненность, крестьянское замыкание в себе, украинцы воспринимались как более активистские (этот активизм нередко расценивался негативно), иногда анархизированные, что в глазах русских подтвердили уже в период независимости оба Майдана.

Определение границ обеих республик, украинской и белорусской, не изменило ощущения русских, а частично также самих украинцев (кроме западной части) и белорусов, что они принадлежат к единой русской общности («мы – русские»). Русская склонность придавания видениям, вымышленным, притворным сущностям конкретный статус проявлялась в формальной трактовке советской Украины и Беларуси на международной арене (ООН) как отдельных политических субъектов (государств). Подобной была трактовка занятых в результате II Мировой войны «социалистических государств» в Центральной Европе как «дружественных союзников» (включая три оккупированные прибалтийские республики)³. Русские, которые появились как имперское сообщество мессианско-миссионерского характера, опирающееся на православие, славянскость и ощущение бытности непосредственными преемниками Святой Руси Рюрика, не могли признать двух остальных членов бывшей Руси – оторванных, по их мнению, на сотни лет от Родины-матери – отдельными национальными сущностями, полноправны-

---

³ Следствием этого типа мышления было – после выхода этих стран из «союза с СССР» (когда после 1989 г. появилась такая возможность) – то, что очень многие русские восприняли это как предательство, что, по мнению бывших «союзников», было удивительным, поскольку, с точки зрения Польши или стран Балтии, в этой ситуации жертва оккупации должна была бы предать оккупанта. В русской культуре проявляется склонность к ипостазированию (овеществлению) создаваемых видений. Источники этого в значительной мере кроются в православии. Это сопровождается значительной склонностью к построению теорий заговора, что нередко придает специфическое измерение по крайней мере части русской научной литературы в рамках общественных наук (особенно политологии). Метафизическое измерение русской культуры усугубляет эти явления. Латинскую Европу характеризует большой прагматизм, реализм и методологический самоконтроль, что особенно заметно в мещанском протестантизме и к проявлениям чего (например, вербально критикуемому «материализму Запада») русские относятся очень холодно.

ми политическими субъектами, разрушающими это русское единство, русское предназначение, освященную общность. Поскольку границы между республиками в СССР играли не самую большую роль, подобным образом воспринималась русская общность после 1991 года. Это мышление сломал лишь Майдан 2014 года как попытка политической эмансипации, переход «на сторону Запада», откуда в свое время пришел Гитлер, а значит, как фашистская попытка измены традициям Святой Руси. Отвержение идеи «русского мира» было воспринято русскими как разрыв корней создания их общности, разрыв культурный, языковой, политический, наконец цивилизационный, а в результате также экономический (что стало преддверием конфликта в 2013 году). Военная реакция и аннексия территории полностью уместаются в рамках российской политической культуры. Белорусы, в свою очередь, все еще привязанные к идее «русского мира» и русского сообщества, наблюдая за последствиями попыток Украины субъективизироваться, любой ценой избегают конфликта с Россией. Несмотря на 25 лет независимости всех трех государств, русские в своей массе все еще не воспринимают украинцев и белорусов как полностью отдельные нации.

Русская / советская власть создала культурно-политическую парадигму ассимиляции белорусов и украинцев с русской в культурном (и языковом) отношении советскостью, особенно в связи с притоком сельского населения в города или социальным продвижением иного рода. Отступления от этой парадигмы осуждались, клеймились как проявления национализма и, как правило, были связаны с маргинализацией (иногда репрессиями) данных индивидов или социальных групп. «Стереотип «хохла», – пишет Микола Рябчук, – с успехом отбивал у людей, переезжающих в русифицированные города, охоту принимать украинскую, а не малороссийскую идентичность. Украинский язык и украинская культура, являющиеся наиболее существенным ее элементом, стигматизировались в официальном дискурсе как символизирующие отсталость, примитивизм и сельское невежество. Большинство украинцев должны были или избавиться от своих культурно-языковых девиаций и принять социально сконструированную «нормальность», или же начать обреченную на поражение борьбу за свою идентичность с необычайно мощным дискурсом этой «нормальности», который автоматически превращал их культурную девиацию в девиацию политическую» [12, с. 233]. Аналогичные процессы происходили в «почти русской» (в культурном отношении) и без сомнения русской (в понимании сообщества)

Беларуси. Русский, приезжающий в Минск, Витебск, Гомель или Брест, слышал тот же язык, что в Москве и Ленинграде, в худшем случае с местными фонетическими, реже лексическими особенностями. Поехать работать в Москву, в том числе в государственных учреждениях, как правило, считалось/считается в Беларуси нормальным – вместе с принятием русской культурно-политической опции. Беларусь была и остается для русских «своей» и гипотетическая возможность ее вступления в европейские (западные) структуры сразу же вызывает у русских желание вмешательства. Тот же Микола Рябчук утверждает – все еще в отношении украинцев: «официальный образ украинцев как «почти того же самого народа» глубоко укоренился в российском обществе, поэтому ни украинский язык, ни украинская культура, ни даже украинская политическая суверенность не были признаны полностью реальными и правомочными. Это, в свою очередь, создавало благодатную почву для политических, так и для культурных ресентиментов, отголоски которых постоянно присутствовали в различных высказываниях, политике, произведениях культуры или медиальном дискурсе» [12, с. 235–236]. Эти слова еще более актуальны, а позиции русских еще более однозначны в отношении белорусов, хотя Украина, ввиду своих размеров и геополитического значения, воспринимается как страна, имеющая для русских фундаментальное значение.

2. Украинцы и белорусы в российских социологических исследованиях

Социологические исследования на постсоветском пространстве нередко вызывают большие разногласия, чем в Западной Европе. Можно указать две основные причины этого феномена. Во-первых, во многих республиках, возникших после распада СССР, – особенно там, где сложно говорить о развитой демократии (то есть всюду, кроме балтийских республик), – социологи, проводящие исследования, воспринимаются в большей или меньшей степени подозрительно, особенно если вопросы имеют политический контекст. Согласно исследованиям Левада-Центра за ноябрь 2015 г., 26% респондентов в России заявили, что боятся высказывать свое мнение по поводу текущих дел в стране в связи с возможностью негативных последствий их высказывания, а большинство высказывает свои взгляды неохотно [13]. Иногда это вызывает желание респондентов подстроиться в своих высказываниях под взгляды, выражаемые властью, представителями которой, по их мнению, являются социологи. Другая причина лежит в культурной, мен-

тальной, идентичностной отдельности восточнославянских православных обществ (прежде всего российского, в немного меньшей степени белорусского, украинское же общество в этом отношении дифференцировано) от латинской Европы, в чем нет ничего удивительного и непонятного, принимая во внимание культурную дифференциацию современного мира, часто более значительную, чем в данном случае. Эти различия являются причиной трудностей в интерпретации полученных результатов исследований, поскольку идентичные ответы на те же вопросы могут иметь различные культурные контексты и означать – по крайней мере, отчасти – что-то иное, чем в Польше, Чехии или Германии. Российское общество, вопреки поэтическому высказыванию Тютчева, можно все-таки «понять умом», но категории этого понимания должны отличаться от центрально- и западноевропейских. Поэтому и содержание понятия «общерусский народ» для европейцев не всегда до конца понятно. Поддержка Путина, которую показывают в России социологические исследования, не должна означать (и часто не означает) того же, что поддержка Гуска или Качинского в Польше. И все же, эти исследования нужно анализировать, особенно если они повторяемы и указывают на существующие тенденции. В представленных ниже размышлениях я буду ссылаться на исследования, проведенные между концом 2014 года и первым кварталом 2016 года⁴.

Русские осознают свою специфику на фоне Европы, что также подтверждается проводимыми ими социологическими анализами (независимо от прохладного отношения к ним европейских исследователей):

Таблица №1

*«Русские – это такой же народ, как другие,
или совершенно особый народ?»*

	2000 март	2008 октябрь	2015 август
Такой же народ, как другие	63	63	57
Совершенно особый народ	33	34	40
Затруднились ответить	4	2	3

N = 1600 [15, с. 40 (таблица 3.16)]

⁴ Анализ исследований за несколько лет – российских, украинских и белорусских, – проводимых до третьего квартала 2014 г., содержится в моем тексте [14].

Из таблицы №1 следует, что убеждение русских в том, что они являются особенным народом, вовсе не ослабло на протяжении последних 15 лет. Скорее наоборот, хотя сторонники такого взгляда составляют 40-процентное меньшинство. В то же время в марте 2015 года на вопрос **«Как вы полагаете, по какому историческому пути должна идти Россия?»** 56% россиян ответили: «Идти по своему собственному, особому пути» [15, с. 45 (таблица 3.26)]⁵. Склонность считать себя особенным народом сопровождается поразительным отношением к собственной, как-никак имперской, истории (термин «имперский» часто воспринимается русскими позитивно и не является большой редкостью в российском политическом нарративе последних лет). Об этом свидетельствуют данные, указанные в таблице №2.

Таблица №2
«Какое из следующих утверждений ближе всего к лично вашей точке зрения?»

	1998 май	2014 март	2015 ок- тябрь
Россия всегда являлась агрессором, виновником конфликтов с другими странами	3	1	2
Россия в большинстве случаев являлась агрессором, виновником конфликтов с другими странами	16	5	5
Россия в большинстве случаев являлась жертвой конфликтов, пострадавшей стороной	29	27	26
Россия никогда не была агрессором или инициатором конфликтов с другими странами	37	55	59
Затруднились ответить	15	11	7

N = 1600 [15, с. 48 (таблица 3.35)].

В октябре 2015 года всего лишь 7% респондентов утверждали, что Россия была в большинстве случаев или всегда агрессором, а

⁵ 19% ответили: «Вернуться на путь, которым двигался Советский Союз», а 17%: «По общему для современного мира пути европейской цивилизации» (9% «Затруднились ответить») – [15, с. 45 (таблица 3.26)].

целых 85% считали, что она никогда или в большинстве случаев им не была, являясь, как правило, жертвой конфликтов. Принимая во внимание то, что на протяжении двух последних веков не было ни одной соседней страны, на которую не напала бы Россия / СССР (границы которой не пересекли бы ее войска), во многих случаях завоевывая (поглощая) целые страны и государства, историческое сознание россиян является исключительно селективным, что является следствием их имперской, мессианско-миссионерской ментальности, чувства созидания отдельной российской (русской, православной) цивилизации, которая в настоящее время, после распада двухполюсного мира, где Москва была одним из полюсов, должна быть одним из нескольких центров, в этом случае «смотрящим за порядком» в евроазиатском регионе и координирующим совместно с иными центрами политику по поддержанию мирового порядка. В 2013 году занимавший пост председателя Синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества Московского Патриархата Всеволод Чаплин причислил к православной цивилизации Россию, Украину, Беларусь, Молдавию, Грецию, Сербию и Болгарию [23; цит. по: 24]. В таком понимании православная цивилизация отличается от российской или русской, хотя и в этом случае Россия воспринимается в ней как страна, в какой-то мере являющаяся лидером или поддерживающая отдельные страны согласно с интересом сообщества (цивилизации) – так, как она его понимает.

Постоянное расширение Российской империи на протяжении сотен лет (связанные с этим факты были элементом социализации русских и почти всегда, за исключением раннего этапа становления СССР, воспринимались позитивно) утвердилось в русской культуре как норма, что определяло и все еще определяет отношение русских к когда-то «поглощенным» народам – как правило, сверхнее, покровительственное, поддерживающее господство и даже употребление силы, несмотря на то, что значительная часть этих народов демонстрирует высший уровень цивилизационного развития (свобод, благосостояния, эффективности государственных институтов, примером чего являются балтийские республики) или более древнюю традицию государственности, письменности и высокой культуры (Грузия, Армения). Чувство превосходства, чтобы не сказать презрения, в отношении малых государств и народов было и остается существенным элементом сознания и политики российских элит. Господство имперских ценностей (сила армии, размер государства и всеобщая гордость по этому поводу,

убеждение в величии собственной культуры) дает русским чувство правоты и превосходства в отношениях с другими, в том числе с украинцами и белорусами как «младшими братьями», которые, принимая русскую культуру, становятся более культурными.

«Наиболее распространенное представление русских об украинцах, – утверждает Микола Рябчук, – президент Путин определил лаконичной формулой «русские и украинцы – почти один народ». Впрочем, до него то же самое говорил Михаил Горбачев, а раньше практически все российские политики, а частица «почти» появилась вместе с большевиками» [17, с. 147]. Тот же президент России⁶ отметил в кулуарах НАТО, что «Украина – это даже не государство» [17, с. 147]. Популярный среди значительной части российского общества лозунг «Россия для русских»⁷, в принципе, не касается белорусов и украинцев (исключая тех, кого считают националистами, особенно «бандеровскими прихвостнями»), а русские националисты воспринимают обе страны – по крайней мере теоретически – как части России. Эти предпосылки, по мнению Миколы Рябчука, «дают российскому послу Михаилу Зурабову основание утверждать без лишней дипломатичности, что «русские и украинцы – это единый народ»⁸; патриарху Кириллу – провозглашать концепцию «русского мира», в котором «несмотря на государственные разделения, на определенные нестыковки в политике мы духовно <...> продолжаем оставаться одним народом»⁹; а профессору Александру Дугину – рассказывать студентам о том, что «украинская

---

⁶ Президент Путин заявил 18 марта 2015 года во время митинга-концерта у Кремлевской стены, на котором в первую годовщину присоединения Крыма к России собралось несколько десятков тысяч человек: «Мы всегда в России считали, что русские и украинцы – это один народ. Я так думаю и сейчас. Крайний национализм всегда вреден и опасен. Уверен, что украинский народ еще даст достойную и объективную оценку деятельности тех, кто довел страну до такого состояния, в котором она находится сегодня», Ежи Мальчик (Польское прессовое агентство). [Эл. Рес.]. – Режим доступа: http://www.pap.pl/palio/html.run?_Instance=cms_www.pap.pl&_PageID=1&s=infopakiet&dz=swiat&idNewsComp=202072&filename=&idnews=205383&data=&status=biezace&_Checksum=-543400100 (Дата доступа: 11.04.2015 г.).

⁷ См. исследования на эту тему: [15, с. 197].

⁸ [18, цит. по: 17, с. 154].

⁹ [19, цит. по: 17, с. 154].

нация была искусственно сформирована в XIX веке поляками»¹⁰. И даже вице-президент Российской ассоциации политологов Оксана Гаман-Голутвина не может не напомнить участникам международной конференции, что отделение Украины от России это то же самое, что разделение Германии¹¹» [17, с. 154–155]. Подобные слова сформулировал один из наиболее известных российских оппозиционеров Алексей Навальный: «Украина и Белоруссия являются главными геополитическими союзниками России. Наша внешняя политика должна быть максимально направлена на интеграцию с Украиной и Белоруссией... Фактически мы один и тот же народ... Мы должны усиливать интеграцию» [22, цит. по: 17, с. 154].

В результате такого понимания национального (?) сообщества и совместной истории, которую, по мнению русских, отрицают украинские и белорусские националисты, фашистско-бандеровские предатели, во время демонстрации под посольством Украины в Москве – в рамках протеста, являющегося реваншем за митинг в поддержку Надежды Савченко под посольством России в Киеве, – около 200 человек митинговали 6 марта 2016 года под лозунгами: «Вон из нашего Киева» и «Киев – русский город» [25]. Киев и Минск – это два древних «русских города» – «русских», или «наших», так же как Москва и Петербург (хотя два последних города и расположены на изначально финно-угорских землях). Аисторическое понимание Киевской Руси из XIX века было перенесено русскими историками и националистами в сегодняшний мир и подчинено интересам и постулатам Москвы. Тех украинцев и белорусов, которые считают, что Киев и Минск должны иметь право решать собственную судьбу так же, как жители всей Москвы и России распоряжаются собой, русские называют националистами. Ними являются все приверженцы национальной самостоятельности украинцев и белорусов. Таким образом, по случаю публикации в Москве в 2015 году итогового доклада «Белорусский национализм против русского мира» российская газета «Журналистская правда» написала: «Около четверти века Республика Беларусь является суверенным государством, мучительно пытающимся найти подходящую для себя идентичность. Ввиду того, что на общерусскую идеологию, постулирующую национальное единство великорусов и белорусов, в РБ наложен негласный запрет (несмотря на

¹⁰ [20, цит. по: 17, с. 154].

¹¹ [21, цит. по: 17, с. 155].

популистские заявления президента Лукашенко в духе «мы же русские люди»), в белорусском обществе год от года укрепляет свои позиции местечковый национализм, традиционно имеющий анти-русскую направленность» [26]. Термин «национализм» имеет в России исключительно негативный оттенок и ассоциируется с врагами СССР времен «Великой Отечественной войны» (фашизм, гитлеризм). Национальные позиции украинцев и белорусов воспринимаются русскими, как правило, как националистические, при том что такими не считаются соответствующие позиции в Польше, Чехии или Венгрии. Причины этого кроются не только в российской имперской ментальности, но и в советскости, которая опиралась на классовую идеологию, программно чуждую национальным позициям (а значит, и разделением).

Социологические исследования, демонстрирующие отношение россиян к национальной самостоятельности украинцев, поданы в таблице №3:

Таблица № 3

«Как вам кажется, русские и украинцы – это один народ или два разных народа?»

	2014 март	2014 сентябрь	2015 март	2015 сентябрь
Один народ	56	42	52	46
Два разных народа	38	47	40	47
Затруднились ответить	6	11	9	7
Число опрошенных	800	800	800	800

[15, с. 218 (таблица 24.4)].

Эти исследования показывают, что в 2014–2015 годах в среднем около половины россиян считали, что русские составляют с украинцами единый народ, а другая половина имела по этому поводу противоположное мнение. Результаты этих исследований требуют комментария. Во-первых, около 1/5 жителей России составляют неславянские народы, которые, со всей вероятностью, значительно реже отмечают национальное единство восточных славян. Во-вторых, предыдущие исследования в 2002–2005 годах и в январе 2007 года показали, что в случае вопроса о «разных народах» или «трех ветвях одного народа» от 76% до 81% респондентов выбирали последний вариант [14, с. 268]. Россияне мыслят в соответствии

с традиционной схемой, создаваемой еще в царский период, что великороссы, белоруссы и малороссы (сегодняшние украинцы) являются тремя ветвями одного народа, или же традицией, развиваемой в СССР, что они являются почти одним народом. В то же время, согласно исследованиям, проведенным в 2015 году, 67% россиян не считает Беларусь за границей (32% имеют противоположное мнение), а об Украине так думают 59% (иного мнения – 38%) респондентов, что свидетельствует о том, что, чувство общности уже не так сильно, как прежде [15, с. 212, 218]. В последние годы постепенно ухудшаются отношения между двумя крупнейшими восточнославянскими обществами. Значительно хуже оцениваются власти обеих стран в сравнении с государствами и их населением. В исследованиях за февраль 2016 года всего лишь 4% российских респондентов хорошо относились к украинской власти, 29% – в основном плохо, а 58% – очень плохо. Ответы на вопрос «Как вы в целом относитесь сейчас к Украине?» изменились с сентября 2013 года до февраля 2016 года: «очень хорошо» – от 7% до 2%; «в основном хорошо» – от 62% до 26%; «в основном плохо» – от 20% до 37%; «очень плохо» – от 3% до 22%. «Российские респонденты чаще говорят о своем плохом отношении к Украине, чем украинцы о негативном восприятии России (59% против 47%)». В то же время украинцы значительно чаще, чем россияне считают, что между обоими странами идет война и что на востоке Украины присутствуют российские войска [27]¹². Это свидетельствует о том, что, несмотря на существующий конфликт (в большей степени осознаваемый в его военном измерении украинцами, чем россиянами), сила традиционных связей, объединяющих оба народа, существует и все еще проявляется в этой сложной ситуации в Украине – как следует предполагать, опираясь на другие, более ранние исследования, особенно в южной и восточной части страны. Следует полагать, эти исследования свидетельствуют о том, что в то время, как часть украинцев отрицает принадлежность к «общерусскому народу», россияне, определяя свое отношение к украинцам, имеют ощущение, что украинцы предали общую традицию (подобно как в случае вступления Польши в НАТО, при всех различиях этой аналогии).

---

¹² Исследования в Украине были проведены Киевским международным институтом социологии (КМИС).

На имперскую, мессианско-миссионерскую идентичность русских и концепцию общерусского народа накладывается советская ментальность, что усложняет всем трем народам их модернизацию. Интересно в этом контексте мнение, высказанное украинским исследователем. «Имперская идентичность, – пишет он, – была построена так, чтобы казалась очень удобной для принятия и чтобы благоприятствовала домодерным, негражданским ценностям и патронажно-клиентельным отношениям. Построенная на специфических имперских дискурсах, она до сегодня используется и поддерживается в немного модифицированной форме домодерными, квазифеодальными элитами в Беларуси, России и с некоторыми модификациями в Украине. Естественным образом эти элиты опасаются радикальной десоветизации своего господства, чувствуя, что последовательная трансформация «советских людей» (или подобным образом мифологизированных «православных русских») в россиян, белорусов или украинцев будет означать прежде всего превращение покорных квазифеодальных подчиненных в свободных и осознающих свои права граждан» [12, с. 151–152].

3. Выводы

Киевская Русь не являлась этнически однородной и категория этничности не была на уровне сознания ее жителей элементом, объединяющим их в сообщество. Подобным образом правители и элиты средневекового московского государства, не говоря уже о населении страны, не мыслили об обществе своего государства и о его окружении в национально-этнических категориях. Для возглавляющей Россию московской династии первостепенной ценностью была власть и ее обоснования искались в истории и отсылках к Богу. Подобным образом было в Европе того времени (хотя некоторые историки пробуют найти начала современной нации в средневековье) [28]. Это было заметно еще в середине XVII века, когда жителей современной Украины и Беларуси считали иностранцами, хоть и более близкими, чем англичане, но все равно чужими. В Европе того времени значительной была роль религии, ее конфликтное измерение было заметно во времена Тридцатилетней войны, но в отношениях между Россией и Речью Посполитой цари использовали православие преимущественно инструментальным образом. Лишь во второй половине XVII века, причем в среде украинского православия, появилась идея славянского русско-украинского сообщества, что вовсе не значит, что она стала постоянным и мощным элементом, определяющим сознание российских элит

и обуславливающим их политику [14, с. 254]. Так было до второй половины XVIII века, когда в спорах с Речью Посполитой иногда появлялись – используемые главным образом инструментально – религиозные (Россия – покровительница православия), а иногда также исторические аргументы.

Включение Украины и Беларуси в Россию сделало их жителей – в глазах русских – провинциальными общинами в рамках государства, воспринимающего своих подданных в категориях политического, а не национально-этнического сообщества, несмотря на иногда романтическую идеализацию, особенно украинского народного колорита (похожий феномен проявился в польской литературе). Это начало изменяться вместе с эволюцией российского сообщества, постепенным приобретением русскими современных национальных категорий (российские элиты), процессом, определяющими аспектами которого были война с Наполеоном, польское восстание 1830–1831 годов, триединая формула Уварова и прежде всего обращение в 1839 году украинцев и белорусов в православие – конфессию, когда-то среди них общепринятую. На протяжении нескольких столетий произошла эволюция: от восприятия друг друга как отдельных государств, населенных иноплеменниками, иногда воспринимаемыми как странными, до попыток найти в жителях украинско-белорусских земель некоторые сходства (православие, отсылки к киевскому государству), а затем – после распада Речи Посполитой – до трактовки их как близких подданных российских провинций.

Вместе с осознанием русскими в XIX веке факта, что православие не объединяет всех жителей государства и что у них не получается создать российское государственно-политическое, а особенно современное национальное сообщество, россияне, преобразуясь в сообщество, напоминающее современную нацию европейского типа, основали его на православии и этничности, объединяющей, по их мнению, «три ветви триединого русского народа», что вовсе не значит, что они не совершали попыток обращения инородцев в русскость, и не только в политическом отношении. Произошел переход от культурно-политической общности, объединяющей провинцию с Москвой, ко все больше видимому паранациональному сообществу с элементами нарастающего национализма и ассимиляцией с русскостью московского типа, объединяющей «великороссов» с «малороссами» и «белороссами». Русские приняли своих восточнославянских соседей за русских, отличающихся своей про-

винциальной спецификой (диалектологической и фольклорной), возникшей под влиянием польской культуры, а в то же время воспринимая татарское измерение русской культуры (заметное особенно в политической культуре) как норму.

Советский период отличался с точки зрения русско-украинско-белорусских отношений заметной амбивалентностью. С одной стороны, впервые были формально очерчены границы Украины и Беларуси (при создании парагосударственных институтов) – что, как можно предполагать, спасло эти общества от окончательного поглощения их русскостью, развились литературные языки (несмотря на частичную их русификацию) и узкие культурные, а отчасти также национальные элиты (особенно в 1920-е годы), с другой же стороны, значительно усугубилась языковая русификация обоих обществ, заметная прежде всего в стремительно разрастающихся городах, распространилась русская культура (особенно в ее советской версии), в царской России малодоступная для неграмотного в своей массе населения (что раньше предотвратило его колонизацию, за исключением элит). Русские – на уровне уже не только элит, но и всего грамотного общества – воспринимали оба соседних народа как составные части единого «общерусского народа» с его провинциальными – чаще всего оцениваемыми негативно – отличиями. Процесс унификации усугубила советскость, которая в европейской части СССР наиболее прижилась в восточнославянских обществах.

Период независимости после 1991 года был для русских периодом распада их советского мира, государства, мощью и размерами которого они гордились, и – начиная с конца десятилетия – попыток хотя бы частичного воссоздания бывшего чувства величия, силы и гордости. В то же время возникло осознание появления отдельных государств, украинского и белорусского, и противоборство угрозам их полного отделения и, как следствие, распада «общерусского народа». Тенденциям возрождения, основанного на имперской истории, воспротивились украинцы и в намного меньшей степени белорусы, эмансипируясь, «предавая Россию-мать», что, в свою очередь, увеличивает у русских склонность к экспонированию негативных черт (стереотипов) их соседей, на этот раз уже публично, что в СССР не могло иметь места в таком масштабе¹³. В результате русские, на-

---

¹³ См. примеры крайне негативных характеристик украинцев и белорусов в «Луркоморье» [31; 32], интернет-ресурсе, позициониру-

десять затормозить негативные, с их точки зрения, процессы, делят украинцев и белорусов на лучших – пророссийских, и худших – предателей, фашистов и националистов, разрушающих сообщество, которое русские строили на протяжении многих поколений. Можно сказать, что то, как русские воспринимали украинцев и белорусов, зависело прежде всего от того, в каких категориях они воспринимали себя: власти (династической, феодальной, абсолютной, тоталитарной), религии (православия), истории (Киевская Русь), государства (сверхэтнического при Петре I), нации (государственного или этнического национализма) и культуры (высокой, возвышающей их над обществами с неполной социальной структурой).

Перевод с польского: Андрий Савенец

Литература:

1. Kazimierz J. Zrozumieć Rosję. Uniwersalizm w kulturze Rusi od IX do XVI wieku. – Kraków : Avalon, 2008. – 256 s.
2. Pipes R. Rosja carów / przeł. W. Jeżewski. – Warszawa : Wydawnictwo Magnum, 2006. – 358 s.
3. Sahanowicz H. Historia Białorusi do końca XVIII wieku / przeł. H. Łaskiewicz. – Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2001. – 411 s.
4. Heller M. Historia Imperium Rosyjskiego / przeł. E. Melach i T. Kaczmarek. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1997. – 787 s.
5. Carrère d'Encausse H. Euroazjatyckie imperium. Historia Imperium Rosyjskiego od 1552 do dzisiaj / przeł. K. Antkowiak. – Kęty : Wydawnictwo Marek Derewiecki, 2014. – 356 s.
6. Саганович Г. «Русский вопрос» с точки зрения белоруса // Народная газета. – 30.04.1993 г.
7. Терешкович П. Русские в Беларуси : постинтернационалистская рефлексия // Неман. – 1992. – №6. – С. 164–176 [Эл. рес.] – Режим доступа : http://pawet.net/library/o_reflections/17a/Терешкович_П._Русские_в_Беларуси.html (Дата доступа: 22.01.2016 г.).
8. Serczyk W. Katarzyna II – carowa Rosji. – Wrocław : Ossolineum, 1983. – 309 s.
9. Paszkiewicz P. W cieniu tronu i ołtarza. Polityka imperialna Rosji i jej aspekty rusyfikacyjne (fazy i przejawy) // Kultura i polityka. Wpływ polityki rusyfikacyjnej na kulturę zachodnich rubieży Imperium Rosyj-

ющем себя как «энциклопедия современной культуры, фольклора и субкультур, а также всего остального» [29]. Согласно Википедии, он носит характер фривольной и юмористической интернет-энциклопедии [30].

skiego (1772–1915) / pod red. D. Konstantynowa i P. Paszkiewicza. – Warszawa : Instytut Sztuki PAN, 1994. – S. 7–28.

10. Zajęczkowski W. Rosja i narody. Ósmy kontynent. Szkic dziejów Eurazji. – Warszawa : Wydawnictwo MG, 2009. – 254 s.

11. Serczyk W. Historia Ukrainy. – Wrocław : Ossolineum, 1979. – 500 s.

12. Riabczuk M. «Wspaniały lud słowiański». Rosyjskie stereotypy Ukraińców od wyobraźni imperialnej do postimperialnej rzeczywistości // Narody & stereotypy 25 lat później. Nowe granice, nowe horyzonty / red. R. Kusek, J. Purchla, J. Sanetra-Szeliga. – Kraków : Międzynarodowe Centrum Kultury, 2015.

13. Корченкова Н., Горяшко С. Каждый четвертый боится делиться мнением с социологом // Коммерсант. – 22.01.2016 г. [Эл. рес.] – Режим доступа : <http://www.kommersant.ru/doc/2897562> (Дата доступа : 10.03.2016 г.).

14. Radzik R. Trójjedyny naród ruski czy odrębne wspólnoty narodowe? // Przegląd Wschodni. – T. XIII. – 2014. – Z. 2 (50). – S. 253–301.

15. Общественное мнение – 2015. Ежегодник / Аналитический Центр Юрия Левады. – Москва, 2016.

16. Torbakow I. Swój czy obcy? Stereotyp Ukraińca w Rosji XVII–XVIII wieku // Zeszyty Historyczne (Instytut Literacki, Paryż). – 1998. – Z. 125. – S. 101–120.

17. Riabczuk M. Prawie jeden naród? Jak Rosjanie patrzą na Ukrainę // Więż. – 2013. – Nr 3. – S. 146–155.

18. Зурабов: «Русские и украинцы – это единый народ» // ForUm. – 15.06.2010 г. [Эл. рес.] – Режим доступа : <http://www.for-ua.com/politics/2010/06/15/113250.html> (Дата доступа : 10.03.2016 г.).

19. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном открытии III Ассамблеи Русского мира // Официальный сайт Московского Патриархата. – 3.11.2009 г. [Эл. рес.] – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/928446.html> (Дата доступа : 23.03.2016 г.).

20. Дугин : «Украинская нация была создана поляками, чтобы досажать русским» // Евразия. – 25.09.2009 г. [Эл. рес.] – Режим доступа : <http://evrazia.org/news/9932> (Дата доступа : 23.03.2016 г.).

21. Gaman-Goluvina O. Russia and Common Neighborhoods [доклад, представленный во время конференции «The European Union and Russia in the Post-Soviet Area : Shared Neighbourhood or Battlefield of Influence?»], Форли, 22–23.10.2010 г.

22. Навальный : «Украинцы и русские – один и тот же народ» // Цензор.нет. – 11.02.2012 г. [Эл. рес.] – Режим доступа : http://censor.net.ua/news/197005/navalnyyi_ukraintsy_i_russkie_odin_i_tot_je_narod (Дата доступа : 23.03.2016 г.).

23. Kudors A. «Krievu pasaule» – no maigās varas koncepta līdz kara pamatojumam // Sargs.lv. – 16.04.2015 г. [Эл. рес.] – Режим доступа : <http://www.sargs.lv/Viedokli/2015/04/16-01.aspx#lastcomment> (Дата доступа : 23.03.2016 г.).

24. Кудорс А. «Русский мир» – от концепции «мягкой силы» до обоснования войны // inoСМИ.Ru. – 17.04.2015 г. [Эл. рес.] – Режим доступа : <http://inosmi.ru/sngbaltia/20150417/227571026.html> (Дата доступа : 14.10.2015 г.).

25. У Маскве амбасаду України закідали яйками пад крыкі: «Прэч з нашага Кіеву!» // Радые Свабода. – 06.03.2016 г. [Эл. рес.] – Режим доступа : <http://www.svaboda.org/content/article/27592599.html> (Дата доступа : 7.03.2016 г.).

26. Белорусский национализм и Русский мир : будет ли майдан в Минске? // Журналистская Правда. – 7.10.2015 г. [Эл. рес.] – Режим доступа : <http://jgazeta.ru/beloruskiy-natsionalizm-i-russkiy-mir-budet-li-maydan-v-minske/> (Дата доступа : 11.10.2015 г.).

27. Горяшко С. Россияне и украинцы разошлись в оценке войны и мира // Коммерсантъ. – №39. – 10.03.2016 г. [Эл. рес.] – Режим доступа : <http://www.kommersant.ru/doc/2933366> (Дата доступа : 12.03.2016 г.).

28. Zientara B. Świt narodów europejskich. Powstawanie świadomości narodowej na obszarze Europy pokarolińskiej. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1985. – 434 s.

29. Луркоморье. [Эл. рес.] – Режим доступа : <https://lurkmore.to/> (Дата доступа : 12.03.2016 г.).

30. Луркоморье // Википедия. [Эл. рес.] – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Луркоморье> (Дата доступа : 12.03.2016 г.).

31. Белоруссия // Луркоморье. [Эл. рес.] – Режим доступа : <http://lurkmore.to/Белоруссия> (Дата доступа : 12.03.2016 г.).

32. Украинцы // Lukomorg. [Эл. рес.] – Режим доступа : <http://lukomorg.org/lurk/Украинцы> (Дата доступа : 12.03.2016 г.).